

**ТРАДИЦИИ ЛИРИКИ М. ЦВЕТАЕВОЙ
В ПОЭЗИИ В. ПАВЛОВОЙ**

The article traces the refraction of ideas, themes and images of Marina Tsvetaeva in poetry Vera Pavlova, determined functioning of the category of "physicality" in poetic verses space Pavlova and Tsvetaeva. One of the bright points of contact is the images / concepts of "soul" (Psyche) and "body" (Eve). It is shown that creativity of Vera Pavlova as well as the creativity of Marina Tsvetaeva characterized by the dualism of body and soul, but the correlation of these concepts in the works of the two poets is nonuniform.

В творчестве Веры Павловой своеобразно преломились идеи, темы и образы, принадлежащие поэзии предшествующих эпох. Поэзии Павловой присущ своеобразный «плюрализм» культурных ассоциаций. Вера Павлова использует определённые литературные пласты (античная и модернистская поэзия, поэзия эпохи постмодерна, в частности, Московский романтический концептуализм), «заимствуя» из них наиболее характерные черты. Важно отметить, что Павлова не использует «периферийные» коды, находящиеся вне читательского опыта широкой аудитории, а включает в свои поэтические произведения так называемые «распространённые» коды (например, образы из греческой мифологии – Орфей, Эвридика, из библейской мифологии – Моисей, Христос, из «классики» русской поэзии, включая и «классику» авангарда – архетип Очереди, отсылки к наиболее известным стихам Анны Ахматовой, Марины Цветаевой, Александра Пушкина и др.). В подобной ситуации мы имеем дело с текстом, доступным для «неискушённой» публики, но который, тем не менее, через богатство ассоциаций и своеобразную авторскую трактовку этих культурных ассоциаций разрывает традиционные связи в сознании читателя. Архетипы обретают новую жизнь и вступают в известного рода «спор» с предшествующей литературной традицией, однако позиция Веры Павловой не является радикальной. То есть Павлова не порывает совершенно с традицией, а как бы «исправляет» созданное с учётом собственного мировосприятия и нового временного контекста. В результате читатель получает идею, знакомую ему по предыдущему опыту и реализованную в рамках классической поэзии, но интерпретация этой идеи направлена на футуристический разрыв между «старым» и «новым» миром.

Одной из точек соприкосновения в поэзии М. Цветаевой, и В. Павловой становятся образы/понятия «душа» (Психея) и «тело» (Ева).

Яркой чертой, сближающей их поэтики, является включение во внутренний мир объектов мира внешнего и отображение духовного переживания через физиологические реакции (так называемую «телесность»). Несмотря на то, что тело в эстетике Серебряного века становилось не только

«произведением искусства», но и «глашатаем духа», по-прежнему существовало неискоренимое противоречие между телесным и духовным. Особенно ярко это выразилось в творчестве Марины Цветаевой, противопоставившей «воплощённой плоти» (Еве) – «воплощённую душу» (Психею). Она пишет Пастернаку: «ненасытная исконная ненависть Психеи к Еве, от которой во мне нет ничего. А от Психеи – всё. Психею – на Еву! Пойми водопадную высоту моего презрения. (Психею на Психею не меняют.) Душу на тело» [4]. В её стихотворениях неизменно звучит пренебрежение к телу – как к «тюрьме души», «склепу», в котором душа томится; «тело в молодости, – говорит она, – наряд, а в старости – вериги» [2].

Разлад с миром обывателей, поедающих, пьющих и переваривающих существование, звучит во многих стихотворениях, например: «*Вы – с открыжками, я – с книжками, / С трюфелем, я – с грифелем, / Вы – с оливками, я – с рифмами, / С пикулем, я – с дактилем*» [8, с.301]. Казалось бы, линия противопоставленности души телу обозначена достаточно чётко. Но приверженность души высокому в данных строках выражена рядом материальных предметов: «книжками», «грифелем». Таким образом, тварный мир – мир не понятий, но вещей – в какой-то степени является отражением мира не-тварного. Подобное растворение переживаний в культурных ценностях и природе можно заметить и у Пастернака: «*В тот день всю тебя от гребенок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирова, / Носил я с собою и знал назубок, / Шатался по городу и репетировал*» [7].

Оппозицией сугубо телесного, носителем которого являются «глотатели пустот, читатели газет», живущие «меж домами, деньгами, дымами» [8, с. 37], становится «бессмертные души, реализовавшейся в форме телесной деятельности», – в творчестве. Иосиф Бродский в анализе стихотворения «Новогоднее» пишет, что это бессмертные души Цветаева «иллюстрирует, употребляя категории пространственные, т.е. телесные же, что позволяет ей не только рифмовать «поэта» с «планетой», но и отождествлять их: вселенную буквальную с традиционной «вселенной» индивидуального сознания» [1].

В творчестве Цветаевой презрение к «необоримым возгласам плоти», стремление вырваться из тела («*Дальше! За предельные пределы / Станций! Понимаешь, что из тела / Вон – хочу!*») [8, с. 99] сочетается с нежностью по отношению к «телу любящему». Тело, «отражающее душу», преходящее для Цветаевой: «*С наслаждением сброшу, когда умру*», – говорит она, но, тем не менее, и «за чертой» она продолжает оперировать «телесными» категориями: «*Помни закон: / Здесь не владей! / Чтобы потом – в Граде Друзей: / В этом пустом, / В этом крутом / Небе мужском – / Сплошь золотом – / В мире, где реки вспать, / На берегу реки, / В мнимую руку взять / Мнимость другой руки*» [8, с. 77].

Поэтами Серебряного века была намечена тема, которую развивают и Цветаева, и Павлова, – тема вынашивания и рождения слова. Телесность у М. Цветаевой оказывается двойкой: с одной стороны, тело выступает «тюрьмой души», поэт мечтает избавиться от него, сбросив оковы после смерти, с другой – тело помогает слову реализовывать себя, а душе – находить сходные с собой очертания в предметах – с помощью глаз, рук, ушей, губ. Павлова разворачивает тему рождения текста в буквальной и поэтапной реализации. Излюбленная постмодернистами телесность текста сменяется у Павловой текстуальностью тела. Любой телесный жест провоцирует у Павловой создание слова. «Рождающее и рождаемое постоянно сопутствуют друг другу в стихах Павловой и перетекают друг в друга: слово и тело едины» [3]; письмо, речь, язык, слово, буквы, ноты, цифры возникают в каждой строке. Поэтому важным становится не только способность тела к слову, но и телесность произносимого.

Творческое действие представляется через физиологические реакции: *«Когда я пою, у меня болят ноги. / Когда я пишу, у меня болят скулы. / Когда я люблю, у меня болят плечи. / Когда я думаю, у меня болит шея»* [6]. Это и есть своего рода ваение, скульптура (мотив вообще очень распространенный у Павловой), ее поэзия, можно сказать, насквозь тактильна: *«Давай друг друга трогать, / пока у нас есть руки»* [6] – материальный слепок с нематериального предмета, проекция одного мира на другой.

Несмотря на обилие физиологических эпитетов (*«ползи лабиринтом желудка»*, *«гортанью подброшен, смотри не сорвись с языка, с ресниц не скатись»*), стихи Павловой претендуют на особую, «летающую» телесность: *«Не надо трогать этой песни – / Она сама себя поет. / Но чем летящее телесней, / Тем убедительней полет»* [6]. Это – «призрачная физиологичность», которая, стремясь к возможно большей материальности, в то же время именно ее мечтает потерять.

Определив функционирование категории «телесность» в поэтическом пространстве стихов Веры Павловой и Марины Цветаевой, можно заключить следующее: если Цветаева идёт от любви к красоте тела и радостному расставанию с плотью, Павлова идёт к перевоплощению телесного в надреальное. В отличие от Цветаевой, мечтающей сбросить тело, как вериги, Павлова послесмертное бытие в первую очередь представляет именно бытием тела, и только потом – души. Но такая жизнь тела не означает смерть души, телесность мысли оказывается мнимой: *«Небытие определяет сознание. / Но не даёт себя осознать»* [5, с. 22].

Настойчивое смещение телесности и душевности, как доминанты поэтики, замечательно определила сама Павлова: *«Ради соитья лексем / в ласке русалкой плавала / и уплывала совсем / Павлова»* [6].

Следует отметить и очевидную близость поэтического языка Веры Павловой к слову Цветаевой. Она сказывается и в характерном авторском этимологизировании, например, у Цветаевой: «*Как мы вероломны, то есть – / Как сами себе верны*» [8, с. 45], ср. у Павловой: «*Настоящее – это настой / из несостоящих вроде вещей*» [6]; и в особой отчетливости ритмического выделения слов, например, у Цветаевой: «*Я – есмь. Ты будешь. Между нами – бездна*» [8, с. 104], «*Ты – крылом стучавший в эту грудь*» [8, с. 104], ср. у Павловой: «*То кино – японское, про Нараяму, – / я не хочу смотреть его до конца! / Божья Мама, помилуй мою маму. / Сыне Божий, спаси моего отца*» [5, с. 78].

Любовь, которую воспевают В.Павлова, – сильная, всеобъемлющая, верная, но притом – всецело и исчерпывающе плотская, в отличие от любви М.Цветаевой, у которой в конечном итоге душа – Психея побеждает Еву – плоть. Противоречие между телесным (Евой) и духовным (Психеей) порождает в лирике Цветаевой двойственные образы: с одной стороны, это образы сугубо телесные, связанные с миром обывателей, с другой стороны – образы не менее материальные, но связанные с творчеством. Творческое действие, представляемое у Веры Павловой через физиологические реакции, в лирике Цветаевой обыгрывается по-иному: желая запечатлеть в стихах каждое душевное переживание, она «прикрепляет» его к материальному предмету или вовсе преобразует в него. Происходит своеобразная трансформация мысли в материю, причём материя, служащая «проводником» мысли, становится как бы одухотворена. Эту тему продолжает развивать Вера Павлова. Телесность текста сменяется у поэта текстуальностью тела, любой телесный жест провоцирует создание слова. Но такая физиологичность оказывается «призрачной», стремящейся потерять материальность.

Для творчества Веры Павловой, как и для творчества Марины Цветаевой, характерен дуализм души и тела, но соотношение этих понятий в творчестве двух поэтов неоднородно. Цветаева, относящаяся к телу как к «веригам души», мечтает после смерти сбросить его, что характерно для христианского мировоззрения, однако и в сфере посмертного существования часто оперирует телесными категориями, Павлова же, в традициях язычества, отводит телу главенствующую роль, но при этом периодически отклоняется в сторону метафизики, так как только душа может служить «хранителем идей» после смерти. Радость физического существования и для Павловой, и для Цветаевой омрачена общим трагизмом бытия, который в творчестве Цветаевой чаще всего представлен как непреодолимое противоречие между желаниями тела и моралью души, а у Павловой – как бесконечный круг превращений женщины, чья жизнь сама по себе является нелёгкой ношей.

Литература:

1. *Бродский, И. А.* Об одном стихотворении. Форма времени : стихотворения, эссе, пьесы / И. А. Бродский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/BRODSKIJ/tsvetaeva.txt>. – Дата доступа : 22.02.2014.
2. *Кудрова, И.* Поговорим о странностях любви : Марина Цветаева / И. Кудрова // Проект «Мир Марины Цветаевой» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.synnegoria.com/tsvetaeva/WIN/kudrova/strannlubov.html>. – Дата доступа : 12.02.2014.
3. *Левченко, М.* Соитье лексем : между телом и текстом. (Рецензия на: Вера Павлова. Совершеннолетие / М. Левченко, – Москва : ОГИ, 2001) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://old.polit.ru/documents/473234.html>. – Дата доступа : 23.03.2014.
4. Марина Цветаева Переписка с Б. Пастернаком (М.И. Цветаева, письмо от 10 июля 1926 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/tsv/?r=let&l=lp&id=9>. – Дата доступа : 23.03.2014.
5. *Павлова, В.* Четвёртый сон / В.Павлова. – М. : Захаров, – 2001. – 112 с.
6. *Павлова, В.* Второй язык. Три книги стихотворений: Стихотворения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vavilon.ru/texts/prim/pavlova2.html>. – Дата доступа : 13.03.2014.
7. *Пастернак, Б.* Стихи / Борис Пастернак. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://tsv21.narod.ru/simple_pasternak.html. – Дата доступа : 22.02.2014.
8. *Цветаева, М.* После России : стихотворения / М. Цветаева. – Санкт-Петербург : Азбука-Классика, 2010. – 224 с.